
PETROPOLIS

К СИНЕЙ ЗВЕЗДЕ

Настоящая книга отпечатана для издательства „Петрополис“ в августе 1923 г. в типографии Зинабург и Ко. в Берлине.

Н. ГУМИЛЕВ

К СИНЕЙ ЗВЕЗДЕ

НЕИЗДАННЫЕ СТИХИ 1918 г.

ПЕТРОПОЛИС
1923

1

Из букета целого сирени
Мне досталась лишь одна сирень,
И всю ночь я думал об Елене,
А потом томился целый день.

Все казалось мне, что в белой пене
Исчезает милая земля,
Расцветают влажные сирени,
За кормой большого корабля.

И за огненными небесами
Обо мне задумалась она,
Девушка с газельими глазами
Моего любимейшего сна.

Сердце прыгало, как детский мячик,
Я, как брату, верил кораблю,
Оттого что мне нельзя иначе,
Оттого что я ее люблю.

2

Много есть людей, что полюбив,
Мудрые, дома себе возводят,
Возле их благословенных нив,
Дети резвые за стадом бродят.

А другим — жестокая любовь,
Горькие ответы и вопросы,
С желчью смешана кричит их кровь,
Слух их жалят злобным звоном осы.

А иные любят, как поют,
Как поют и дивно торжествуют,
В сказочный скрываются приют;
А иные любят, как танцуют.

Как ты любишь, девушка, ответь?
По каким тоскуешь ты истомам,
Неужель ты можешь не гореть
Тайным пламенем, тебе знакомым?

Если ты могла явиться мне
Молнией слепительной Господней,
И отныне я горю в огне,
Вставшем до небес из преисподней.

3

Мы в аллеях светлых пролетали,
Мы летели около воды,
Золотые листья опадали
В синие и сонные пруды.

И причуды и мечты и думы
Поверяла мне она свои,
Все, что может девушка придумать
Об еще неведомой любви.

Говорила: „Да, любовь свободна,
И в любви свободен человек,
Только то лишь сердце благородно,
Что умеет полюбить навек“.

Я смотрел в глаза ее большие,
И я видел милое лицо
В рамке, где деревья золотые
Сводами слились в одно кольцо.

И я думал — нет, любовь не это!
Как пожар в лесу, любовь судьбе,
Потому что даже без ответа
Я отныне обречен тебе.

4

Вероятно, в жизни предыдущей
Я зарезал и отца и мать,
Если в этой — Боже присносущий! —
Так позорно осужден страдать.

Каждый день мой, как мертвец, спокойный,
Все дела чужие, не мои,
Лишь томленье вовсе недостойной,
Вовсе платонической любви.

Ах, бежать бы, скрыться бы, как вору,
В Африку, как прежде, как тогда,
Лечь под царственную сикомору
И не подниматься никогда.

Бархатом меня покроет вечер,
А луна оденет в серебро,
И быть может не припомнит ветер,
Что когда-то я служил в бюро.

5

Мой альбом, где страсть сквозит без меры
В каждой мной отточенной строфе,
Дивным покровительством Венеры
Спасся он от ауто-да-фэ.

И потом — да славится наука! —
Будет в библиотеке стоять
Вашего расчетливого внука
В год две тысячи и двадцать пять.

Но американец длинноносый
Променяет Фриско на Тамбов,
Сердцем вспомнив русские березы,
Звон малиновый колоколов.

Гостем явит он себя достойным
И, узнав, что был такой поэт,
Мой (и Ваш) альбом с письмом пристойным
Он отправит в университет.

Мой биограф будет очень счастлив,
Будет удивляться два часа,
Как осел, перед которым в ясли
Свежего насыпали овса.

Вот и монография готова,
Фолиант почтенной толщины:
„О любви несчастной Гумилева
В год четвертый мировой войны“.

И когда тогдашние Лигейи
С взорами, где ангелы живут,
Со щеками лепестка свежее
Прочитают сей почтенный труд,

Каждая подумает уныло,
Легкого презренья не тая:
— Я б американца не любила,
А любила бы поэта я.

6

Цветов и песен благодатный хмель
Нам запрещен, как ветхие мечтанья,
Лишь девственные наименованья
Поэтам разрешаются отсель.

Но роза, принесенная в отель,
Забытая нарочно в миг прощанья,
На томике серьезного изданья
(Шамполионовский Joffré Rudel).

— Ее ведь смею я почтить сонетом?
Мне книга скажет, что любовь одна
В тринадцатом столетии, как в этом,

Печальней смерти и пьяней вина;
И желто-розовый цветок целуя,
Быть может преступленья не свершу я?

7

Застонал я от сна дурного
И проснулся, смертно скорбя,
Снилось мне: ты любишь другого,
И что он обидел тебя.

Я бежал от моей постели,
Как убийца от плахи своей,
И смотрел, как тускло блестели
Фонари глазами зверей.

Ах, наверно таким бездомным
Не блуждал ни один человек
В эту ночь по улицам темным,
Как по руслам высохших рек.

Вот стою перед дверью твоею,
Не дано мне иного пути,
Хоть и знаю, что не посмею
Никогда в эту дверь войти.

Он обидел тебя, я знаю,
Пусть все это было лишь сном,
Но я все-таки умираю
Под твоим закрытым окном.

8

Лишь черный бархат, на котором
Забыт сияющий алмаз,
Сумею я сравнить со взором
Ее почти поющих глаз.

Ее фарфоровое тело
Томит неясной белизной,
Как лепесток сирени белой
Под умирающей луной.

Пусть руки нежно-восковые,
Но кровь в них так же горяча,
Как перед образом Марии
Неугасимая свеча.

И вся она легка, как птица
Осенней ясною порой,
Уже готовая проститься
С печальной северной страной.

9

Пролетела золотая ночь
И на миг замедлила в пути,
Мне, как другу, захотев помочь,
Ваши письма думала найти.

— Те, что Вы не написали мне...
А потом присела на кровать
И сказала „Знаешь в тишине
Хорошо бывает помечтать!

„Та, другая, вероятно, зла,
Ей с тобой встречаться даже лень,
Полюби меня, ведь я светла,
Так светла, что не светлей и день.

„Много расцветает черных роз
В потайных колодцах у меня,
Словно крылья пламенных стрекоз,
Пляшут искры синего огня.

„Тот же пламень и в глазах твоих
В миг, когда ты думаешь о ней,
Для тебя сдержу я вороных
Неподатливых моих коней“.

Ночь, молю, не мучь меня! Мой рок
Слишком и без этого тяжел,
Неужели, если бы я мог,
От нее давно б я не ушел?

Смертной скорбью я теперь скорблю,
Но какой я дам тебе ответ,
Прежде чем ей не скажу „люблю“,
И она мне не ответит „нет“.

10

Об озерах, о павлинах белых,
О закатно-лунных вечерах,
Вы мне говорили о несмелых
И пророческих своих мечтах.

Словно нежная Шахерезада
Завела магический рассказ,
И казалось, ничего не надо
Кроме этих озаренных глаз.

А потом в смятеньи..... туманных
Мне, кто был на миг Ваш господин,
Дали два цветка благоуханных,
Из которых я унес один.

11

Однообразные мелькают
Все с той же болью дни мои,
Как будто розы опадают
И умирают соловьи.

Но и она печальна тоже,
Мне приказавшая любовь,
И под ее атласной кожей
Бежит отравленная кровь.

И если я живу на свете,
То лишь из-за одной мечты:
— Мы оба, как слепые дети,
Пойдем на горные хребты,

Туда, где бродят только козы,
В мир самых белых облаков,
Искать увянувшие розы
И слушать мертвых соловьев.

12

Неожиданный и смелый
Женский голос в телефоне, —
Сколько сладостных гармоний
В этом голосе без тела!

Счастье, шаг твой благосклонный
Не всегда проходит мимо:
Звонче лютни серафима
Ты и в трубке телефонной!

13

Отвечай мне, картонажный мастер,
Что ты думал, делая альбом,
Для стихов о самой нежной страсти
Толщиною в настоящий том?

Картонажный мастер, глупый, глупый,
Видишь, кончилась моя страда,
Губы милой были слишком скупы,
Сердце не дрожало никогда.

Страсть пропела песней лебединой,
Никогда ей не запеть опять,
Так же как и женщине с мущиной
Никогда друг друга не понять.

Но поет мне голос настоящий,
Голос жизни близкой для меня,
Звонкий, словно водопад гремящий,
Словно гул растущего огня:

„В этом мире есть большие звезды,
В этом мире есть моря и горы,
Здесь любила Беатриче Данта,
Здесь Ахейцы разорили Трою!
Если ты теперь же не забудешь
Девушку с огромными глазами,
Девушку с искусными речами,
Девушку, которой ты не нужен,
То и жить ты значит не достоин“.

14

Дремала душа твоя, как слепая,
Так пыльные спят зеркала,
Но солнечным облаком рая
Ты в темное сердце вошла.

Не знал я, что в сердце так много
Созвездий слепящих таких,
Чтоб вымолить счастье у Бога
Для глаз говорящих твоих.

Не знал я, что в сердце так много
Созвучий звенящих таких,
Чтоб вымолить счастье у Бога
Для губ полудетских твоих.

И рад, я что сердце богато,
Ведь тело твое из огня,
Душа твоя дивно крылата,
Певучая ты для меня.

15

В час моего ночного бреда
Ты возникаешь пред глазами,
Как Самотрасская Победа
С простертыми вперед руками.

Спугнув безмолвие ночное,
Рождает головокруженье
Твое крылатое, слепое,
Неудержимое стремленье.

И я не знаю, ты жива ли,
Иль только взор твой жив, сверкая,
Ища в неисследимой дали
Огней невиданного рая.

16

Да, я знаю, я вам не пара,
Я пришел из другой страны,
И мне нравится не гитара,
А дикарский напев зурны.

Не по залам и по салонам
Темным платьям и пиджакам —
Я читаю стихи драконам,
Водопадам и облакам.

Я люблю — как араб в пустыне
Припадает к воде и пьет,
А не рыцарем в пелерине,
Что на звезды смотрит и ждет.

И умру я не на постели,
При нотариусе и враче,
А в какой-нибудь страшной щели,
Утонувшей в густом плюще.

Чтоб войти не во всем открытый
Протестантский, прибранный рай,
А туда, где разбойник, мытарь
И блудница крикнут: вставай!

17

Я вырван был из жизни тесной,
Из жизни скудной и простой,
Твоей мучительной, чудесной,
Неотвратимой красотой.

И умер я... и видел пламя,
Невиданное никогда,
Пред ослепленными глазами
Светилась синяя звезда.

Преображая дух и тело,
Напев вставал и падал вновь,
То говорила и звенела
Твоя поющей лютней кровь.

И запах огненней и слаще
Всего, что в жизни я найду,
И даже лилии стоящей
В высоком ангельском саду.

И вдруг из глуби осиянной
Возник обратно мир земной,
Ты птицей раненой нежданно
Затрепетала предо мной.

Ты повторяла — „я страдаю“,
Но что же делать мне, когда
Я наконец так сладко знаю,
Что ты лишь синяя звезда.

18

Храм твой, Господи, в небесах,
Но земля тоже Твой приют.
Расцветают липы в лесах,
И на липах птицы поют.

Переброшен к нам светлый мост,
И тебе о нас говорят
Вереницы ангелов-звезд,
Что по разному все горят.

Если, Господи, это так,
Если праведно я пою,
Дай мне, Господи, дай мне знак,
Что я волю понял Твою.

Перед той, что сейчас грустна,
Покажись, как Незримый Свет,
И на все, что спросит она,
Ослепительный дай ответ.

Ведь отрадней пения птиц,
Благодатней ангельских труб
Нам дрожанье милых ресниц
И улыбка любимых губ.

19

В этот мой благословенный вечер
Собрались ко мне мои друзья,
Все, которых я очеловечил,
Выведя их из небытия.

Гондла разговаривал с Гафизом
О любви Гафиза и своей,
И над ним склонялись по карнизам
Головы волков и лебедей.

Муза Дальних Странствий обнимала
Зою, как сестру свою теперь,
И лизал им ноги небывалый,
Золотой и шестикрылый зверь.

Мик с Луи подсели к капитанам,
Чтоб послушать о морских делах,
И перед любезным Дон Жуаном
Фанни сладкий чувствовала страх.

И по стенам начинались танцы,
Двигались фигуры на холстах,
Обезумели камбоджианцы
На конях и боевых слонах.

Заливались вышитые птицы,
А дракон плясал уже без сил,
Даже Будда начал шевелиться
И понюхать розу попросил.

И светились звезды золотые,
Приглашенные на торжество,
Словно апельсины восковые,
Те, что подают на Рождество.

„Тише крики, смолкните напевы!"
Я вскричал — „и будем все грустны,
Потому что с нами нету девы,
Для которой все мы рождены."

И пошли мы, пара вслед за парой,
Словно фантастический эстамп,
Через переулки и бульвары
К тупику близ улицы Декамп.

Неужели мы Вам не приснились,
Милая с таким печальным ртом,
Мы, которые всю ночь толпились
Перед занавешенным окном.

20

Луна восходит на ночное небо
И светлая покоится влюбленно.

На озере вечерний ветер бродит,
Целуя осчастливленную воду.

О как божественно соединенье
Из вечно созданного друг для друга!

Но люди, созданные друг для друга,
Соединяются, увы, так редко.

21

Еще не раз Вы вспомните меня
И весь мой мир волнующий и странный,
Нелепый мир из песен и огня,
Но меж других единый необманный.

Он мог стать Вашим тоже, и не стал,
Его Вам было мало или много,
Должно быть плохо я стихи писал
И Вас неправедно просил у Бога.

Но каждый раз Вы склонитесь без сил
И скажете „я вспоминать не смею,
Ведь мир иной меня обворожил
Простой и грубой прелестью своею".

22

Так долго сердце боролось,
Слипались усталые веки,
Я думал, пропал мой голос,
Мой звонкий голос навеки.

Но вы мне его возвратили,
Он вновь мое достоянье,
Вновь в памяти белых лилий
И синих миров сверканье.

Мне ведомы все дороги
На этой земле привольной...
Но ваши милые ноги
В крови, и вам бегать больно.

Какой-то маятник злобный
Владеет нашей судьбою,
Он ходит, мечу подобный,
Меж радостью и тоскою.

Тот миг, что я песнью своею
Доволен — для Вас мученье...
Вам весело — я жалею
О дне моего рожденья.

23

Я говорил — ты хочешь, хочешь?
Могу я быть тобой любим?
Ты счастье странное пророчишь
Гортанным голосом твоим.

А я плачу за счастье много,
Мой дом — из звезд и песен дом,
И будет сладкая тревога
Расти при имени твоем.

„И скажут — что он? Только скрипка,
Покорно плачущая, он,
Ее единая улыбка
Рождает этот дивный звон. —

„И скажут — то луна и море,
Двояко отраженный свет —
И после — о какое горе,
Что женщины такой же нет!“

Но, не ответив мне ни слова,
Она задумчиво пошла,
Она не сделала мне злого
И жизнь по прежнему светла.

Ко мне нисходят серафимы,
Пою я полночи и дню,
Но вместо женщины любимой
Цветок засушенный храню.

24

ЕЗБЕКИЕ

Как странно — ровно десять лет прошло
С тех пор, как я увидел Езбекие,
Большой каирский сад, луною полной
Торжественно в тот вечер озаренный.

Я женщиною был тогда измучен,
И ни широкий свежий ветер моря,
Ни грохот экзотических базаров,
Ничто меня утешить не могло.
О смерти я тогда молился Богу
И сам ее приблизить был готов.

Но этот сад, он был во всем подобен
Священным рощам молодого мира:
Там пальмы тонкие взносили ветви,
Как девушки, к которым Бог нисходит;

На холмах, словно вещие друиды,
Толпились величавые платаны,
И водопад белел во мраке, точно
Встающий на дыбы единорог;
Большие бабочки перелетали
Среди цветов, вознесшихся высоко,
Иль между звезд, — так низко были звезды,
Похожие на спелый барбарис.

И, помню, я воскликнул: „выше горя
И глубже смерти — жизнь! Прими, Господь,
Обет мой вольный: что бы ни случилось,
Какие бы печали, униженья
Ни выпали на долю мне, не раньше
Задумаюсь о легкой смерти я,
Чем вновь войду такой же лунной ночью
Под пальмы и платаны Езбекие“.

Как странно! Только десять лет прошло
И не могу не думать я о пальмах,
И о платанах, и о водопаде,
Во тьме белевшем, как единорог.

И вдруг оглядываюсь я, заслыша
В гуденьи ветра, в шуме дальней речи
И в ужасающем молчаньи ночи
Таинственное слово — Эзбекие.

Да, только десять лет, но, хмурый путник,
Я снова должен ехать, должен видеть
Моря, и тучи, и чужие лица,
Все, что меня уже не обольщает,
Войти в тот сад и повторить обет
Или сказать, что я его исполнил
И что теперь свободен.

25

Ты не могла, иль не хотела
Мою почувствовать истому,
Твое дурманящее тело
И сердце бережешь другому.

Зато, когда перед бедою
Я обессилю, стиснув зубы,
Ты не придешь смочить водою
Мои запекшиеся губы.

В часы последнего усилья,
Когда и ангелы заблещут,
Твои сияющие крылья
Передо мной не затрепещут.

И в встречу радостной победе
Мое ликующее знамя
Ты не поднимешь в реве меди
Своими нежными руками.

И ты меня забудешь скоро,
И я не стану думать, вольный,
О милой девочке, с которой
Мне было нестерпимо больно.

26

Нежно небывалая отрада
Прикоснулась к моему плечу
И теперь мне ничего не надо,
Ни тебя, ни счастья не хочу.

Лишь одно бы принял я не споря,
Тихий, тихий, золотой покой,
Да двенадцать тысяч футов моря
Над моей пробитой головой.

Что же думать, как бы сладко нежил
Тот покой и вечный гул томил,
Если б только никогда я не жил,
Никогда не пел и не любил.

27

С протянутыми руками
С душой, где звезды зажглись,
Идут святыми путями
Избранники духов ввысь.

И после стольких столетий
Которым названье — срам,
Народы станут, как дети,
Склоняться к их ногам.

Тогда я воскликну: „Где ты
Ты, созданная из огня,
Ты помнишь мои обеты,
И веру твою в меня.

„Делюсь я с тобою властью,
Слуга твоей красоты,
Зато, что полное счастье,
Последнее счастье ты!“

28

Ты пожалела, ты простила,
И даже руку подала мне,
Когда в душе, где смерть бродила,
И камня не было на камне.

Так победитель благородный
Предоставляет без сомненья
Тому, что был сейчас свободный,
И жизнь и даже часть именья.

Все, что бессонными ночами
Из тьмы души я вызвал к свету,
Все, что даровано богами,
Мне, воину, и мне, поэту.

Все, пред твоей склоняясь властью,
Все дам и ничего не скрою
За ослепительное счастье
Хоть иногда побыть с тобою.

Лишь песен не проси ты милых,
Таких, как я слагал когда-то,
Ты знаешь, я и петь не в силах
Скрипучим голосом кастрата.

Не накажи меня за эти
Слова, не ввергни снова в бездну,
Когда-нибудь при лунном свете,
Раб истомленный я исчезну.

Я побегу в пустынном поле
Через канавы и заборы,
Забыв себя и ужас боли,
И все условья, договоры.

И не узнаешь никогда ты,
Чтоб в сердце не вошла тревога,
В какой болотине проклятой
Моя окончилась дорога.

29

О тебе, о тебе, о тебе,
Ничего, ничего обо мне!
В человеческой, темной судьбе
Ты — крылатый призыв к вышине.

Благородное сердце твое —
Словно герб отошедших времен.
Освящается им бытие
Всех земных, всех бескрылых племен.

Если звезды внезапно горды,
Отвернутся от нашей земли,
У нее есть две лучших звезды:
Это — смелые очи твои.

И когда золотой серафим
Протрубит, что исполнился срок,
Мы поднимем тогда перед ним,
Как святыню, твой белый платок.

Звук замрет в задрожавшей трубе.
Серафим пропадет в вышине...
... О тебе, о тебе, о тебе,
Ничего, ничего обо мне!

30

Не всегда чужда ты и горда,
И меня не хочешь не всегда, —

Тихо, тихо, нежно, как во сне,
Иногда приходишь ты ко мне.

Над челом твоим густая прядь,
Мне нельзя ее поцеловать,

И глаза большие зажжены
Светами магической луны.

Нежный друг мой, беспощадный враг,
Так благословен твой легкий шаг,

Точно по сердцу ступаешь ты,
Рассыпая звезды и цветы.

И тому, кто мог с тобою быть,
На земле уж нечего любить?

31

Неизгладимый, нет, в моей судьбе
Твой детский рот и смелый взор девический,
Вот почему, мечтая о тебе,
Я говорю и думаю ритмически.

Я чувствую огромные моря,
Колеблемые лунным притяженьем,
И сонмы звезд, что движутся, горя,
От века предназначенным движеньем.

О если б ты всегда была со мной,
Улыбчиво-благая, настоящая,
На звезды я бы мог ступить ногой
И солнце б целовал в уста горящие.

32

Временами не справясь с тоскою
И не в силах смотреть и дышать,
Я, глаза закрывая рукою,
О тебе начинаю мечтать.

— Не о девушке тонкой и томной,
Как тебя увидали бы все,
А о девочке тихой и скромной,
Наклоненной над книжкой Мюссе.

День, когда ты узнала впервые,
Что есть Индия, чудо чудес,
Что есть тигры и пальмы святые,
Для меня этот день не исчез.

Иногда ты смотрела на море,
И над морем сбиралась гроза,
И совсем настоящее горе
Наполняло слезами глаза.

Почему по прибрежьям безмолвным
Не взноситься дворцам золотым?
Почему по светящимся волнам
Не приходит к тебе серафим?

И я знаю, что в детской постели
Не спалось вечерами тебе,
Сердце билось и взоры блестели,
О большой ты мечтала судьбе.

Утонув с головой в одеяле,
Ты хотела быть солнца светлей,
Чтобы люди тебя называли
Счастьем, лучшей надеждой своей.

Этот мир не слукавил с тобою,
Ты внезапно прорезала тьму,
Ты явилась слепящей звездою,
Но не всем, только мне одному.

И теперь ты не та, ты забыла
Все, чем прежде ты вздумала стать...
Где надежда? Вся жизнь—как могила.
Счастье где? Я не в силах дышать.

И, таинственный твой собеседник,
Вот, я душу мою отдаю
За твой маленький, смятый передник,
За разбитую куклу твою.

33

На путях зеленых и земных
Горько счастлив темной я судьбою;
А стихи? Ведь ты мне шепчешь их,
Тайно наклоняясь надо мною.

Ты была безумием моим,
Или дивной мудростью моею,
Так когда-то грозный серафим
Говорил тоскующему змею:

„Тьмы тысячелетий протекут
И ты будешь биться в клетке тесной,
Прежде чем настанет Страшный Суд,
Сын придет и Дух придет Небесный.

„Это выше нас, и лишь, когда
Протекут назначенные сроки,
Утренняя грешная звезда,
Ты придешь к нам брат печальноокий.

„Нежный брат мой, вновь крылатый брат,
Бывший то властителем то нищим,
За стенами рая новый сад,
Лучший сад с тобою мы отыщем.

„Там, где плещет сладкая вода,
Вновь соединим мы наши руки,
Утренняя, милая звезда,
Мы не вспомним о былой разлуке".

34

ОТРЫВОК ИЗ ПЬЕСЫ

Так вот платаны, пальмы, темный грот,
Которые я так любил когда-то.
Да и теперь люблю... Но место дам
Рукам, вперед протянутым как ветви,
И розовым девическим стопам
Губам рожденным для святых приветствий.
Я нужен был, чтоб ведала она
Какое в ней благословенье миру,
И подвиг мой я совершил сполна
И тяжкую слагаю с плеч порфиру.
Я вольной смертью ныне искуплю
Мое слепительное дерзновенье
С которым я посмел сказать „люблю“
Прекраснейшему из всего творенья.

ПРИМЕЧАНИЯ

Стихотворения настоящего сборника были написаны автором в альбом во время его пребывания в Париже в 1918 г. Часть этих стихотворений в новых вариантах была напечатана в сборнике „Костер“ изд. З. И. Гржебина, Берлин 1923.

Настоящий сборник печатается с подлинника, хранящегося в Париже.

К СТИХ. 7.

Напечатано в сборн. стих. „Костер“. Изд. Гржебина, Берлин 1923 стр. 53 „Сон“

1-ая строфа 2-ая строка вместо: смертно скорбя — тяжко скорбя...

То же 5-ая строфа 4-ая строка вместо: Под твоим... — Пред твоим...

К СТИХ. 9.

4-ая строфа 2-ая строка. В рукописи вместо: расцветает — расцветат.

К СТИХ. 10.

3-я строфа 1-ая строка. В рукописи не хватает одного слога.

К СТИХ. 11.

Напечатано в „Звене“ № 8 (26 марта 1923). 3-я строфа 1-ая строка вместо: И если... — Но если...

К СТИХ. 12.

Напечатано в сборнике „Костер“ стр. 47. „Телефон“.

К СТИХ. 15.

„Костер“ стр. 45 „Самофракийская Победа“. 1-ая строфа 8-ая строка вместо: Самотрасская победа — Самофракийская победа

3-я строфа:

В твоем безумно-светлом взгляде
Смеется что-то, пламенея,
И наши тени мчатся сзади
Поспеть за нами не умея.

К СТИХ. 16.

„Костер“ стр. 13: „Я и Вы“. 3-я строфа 3-я строка вместо: рыцарем в пелерине — рыцарем на картине...

То же 4-ая строфа 3-я строка вместо: страшной щели—дикой щели...

К СТИХ. 18.

„Костер“ стр. 41 „Канцона вторая“. 2-ая строфа целиком в иной редакции:

Точно благовест твой, весна,
По веселым идет полям,
И весною на крыльях сна
Прилетают ангелы к нам.

К СТИХ. 24.

„Костер“ стр. 55. „Эзбекие“. 1-ая строфа 4-ая строка вместо: о з а р е н н ы й — о с в е щ е н н ы й...

2-ая строфа вместо: ш и р о к и й, с в е ж и й — с о л е н ы й, с в е ж и й...

3-я строфа 9-ая строка вместо: б о л ь ш и е б а б о ч к и — н о ч н ы е б а б о ч к и...

3-я строфа 10-ая строка вместо: в о з н е с ш и х с я в ы с о к о — п о д н я в ш и х с я в ы с о к о...

5-ая строфа 1-ая строка вместо: т о л ь к о — р о в н о...

5-ая строфа 4-ая строка вместо в о т ь м е — в о м г л е...

5-ая строфа 7-ая строка вместо: у ж а с а ю щ е м — у в а ж а ю щ е м...

6-ая строфа 1-ая строка вместо: х м у р ы й п у т н и к — х м у р ы й с т р а н н и к...

К СТИХ. 29.

„Костер“ стр. 51 „О тебе“. 3-я строфа 1-ая строка вместо: внезапно горды — ясны и горды...

4-ая строфа 4-ая строка вместо: как святыню — как защиту...

К СТИХ. 30.

„Костер“ стр 49 „Рассыпающая Звезды“.

5-ая строка вместо: над челом твоим — надо лбом твоим...

10-ая строка вместо: твой легкий шаг — твой каждый шаг...

11-ая строка вместо: точно — словно...

13-ая строка вместо: с тобою быть — с тобой побыть...

К СТИХ. 32.

5-ая строфа 2-ая строка вместо: взноситься — в рукописи вноситься...

ОГЛАВЛЕНИЕ

